

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТИЛЕМ БЫЛИН

Н. К. МИТРОПОЛЬСКАЯ

Многогеройный, богатый мир русских былин живет в народной памяти, волнует читательское воображение яркими поэтическими картинами, монументальностью образов богатырей. Живописная манера былины, ее эстетическая направленность позволила высказать колоссального значения патриотические и социально-нравственные представления и идеалы народа. В эпических сюжетах зримо предстают герои, каждый из которых совершает свой богатырский подвиг. В основе былинной героики лежит отражение и осмысление исторической борьбы с внешними врагами и социальными бедствиями, эпизация нравственно-семейных конфликтов и общественных сторон жизни феодальной Руси.

Значительность, важность богатырских подвигов — будь то расчистка и замирение путей-дорог, сражение с чудовищем, борьба с наездником-чужеземцем или с целыми полчищами врага, добывание невесты для князя или бунт против князя и т. п. — сопровождается идеализацией героев. Объективность поэтического выражения эпической героики проявляется в отборе событий, положений и характеристик, в описании действий, которые стоят в центре внимания былины. Значительность подвига самого героя подчеркивается медленным и плавным развитием действия, живым описанием важности и значительности всех приготовлений к поездке, снаряжения богатырского коня, сложного и опасного пути, всех препятствий и, наконец, самого поединка, богатырского единоборства, как наиболее характерной формы борьбы и победы.

Художественные принципы идеализации и гиперболизации, былинные приемы троекратных повторов и общих мест, постоянные эпитеты и т. п. — все на службе **героизации человека**, утверждения **его величия и масштабности**. С этой задачей эпос блестяще справляется, прежде всего, благодаря богатству поэтического языка былины, эстетическая ценность которого, по заключению крупнейшего исследователя былин — В. Я. Проппа, еще «недостаточно понята и оценена»¹.

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. М., 1958, стр. 519.

Широта земная, высота поднебесная характеризуют бескрайнее поле деятельности богатыря, неограниченность его силы. «Всю вокруг землю, повселенну всю» охраняет богатырь.

Стал он по раздольицу поскакивать,
С горы на гору он перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелкия озерка-реченьки промеж ног спускал.
Так не молвия (молния) тут по чисту полю промолвила
Проехал то Добрыня на добром коне².

Подобные же описания в Печорских былинах:

У Добрыни конь начал он скакать с горы на гору,
Со щельи скачет он на щелину,
С окатицы катитца он на окатицу,
Мелки озера хвостом покрыват, быстры реки перескакиват,
Зыбучи болота промеж ног берет³.

Богатырь преодолевает «широк переезд через сине море», «сине море на круг бежал»⁴. *Чистое поле* и *море синее* сливаются в представлении сказителя как одинаково объемные, широкие образы, поэтому просторы синего моря отождествляются со степным раздольцем чистого поля, где совершают подвиги герои. Богатырская дорога особенная: «пролежала дорога, путь широкая», «пролежала дорога, в ширину та дорожка двадцати сажень, а долину та дороженка не бывана». Поездка богатыря гиперболизирована: «скачет выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего»; «ретивой конь его осержается, прочь от земли отделяется».

Само рождение богатыря определяется *космическими параллелями*, которые придадут описанию приподнятое, радостное настроение: «А на небе просвети светел месяц, а в Киеве родился могуч богатырь»⁵; или в другом варианте: «Россаждалися звезды частые по светлу небу, порождался Вольга сударь Буслаевич»⁶. С таким же эмоциональным подъемом рисуется и неожиданное появление богатыря:

Не солнышко ли нунь да пороспекло,
Не млад ли светлой месяц воссият?
Появляется да старой казак,
Как выручит от беды от великих⁷.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1, М., 1909, № 8.

³ А. М. Астахова. Былины Севера, т. 1, М.—Л., 1938, № 96.

⁴ А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская. Былины Печеры и Зимнего берега, М.—Л., 1961, № 36.

⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым, М., 1938, № 6.

⁶ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. 2, М.—Л., 1938, № 91.

⁷ Онежские былины. Гослитмузей. Летописи, кн. 13, М., 1948, № 6.

Сила богатыря настолько велика, что масштабы гиперболизации выходят за земные границы:

Да ведь во мне-то сила да такая есть,
Кабы в земною-то обширности был столб,
Да как бы был-то в небесной вышины,
Да кабы было в столби в этом кольцо,
Поворотил бы я всю землю подвселенную⁸.

Расправляясь с врагом, богатырь поднимает его «выше лесу, выше темного, выше облака, высшего ходящего», палицу он подбрасывает так, что «улетает эта палица высоко по поднебесью». Добрыня сражается со страшным чудовищем: «а не черныя тут облацы попадали,—летит по воздуху люта змея»⁹; Илья Муромец побеждает врага, от которого «поблекло, померкло красно солнышко, потемнела ведь луна да вся небесная». Этот максимализм в описании качеств и действий типичен для былины, характерен он и для былинных пейзажей: «Выпал белый снег во весь белый свет»¹⁰. Даже внутреннее убранство, богатство княжеского терема вобрало в себя приметы вселенной:

Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце, в тереме солнце,
На небе месяц, в тереме месяц.
На небе звезды, в тереме звезды.
На небе заря, в тереме заря
И вся красота поднебесная¹¹.

Тяготение к образам космического ряда не зависит от местной традиции, а распространено в различных районах бытования русского эпоса.

А й как выстроил он палаты белокаменные,
А й как сделал Садке да в своих он полатушках,
А й как обделал в теремах все да по-небесному:
А й как на неби пекет да красное уж солнышко,
В теремах у его пекет да красно солнышко,
А й как на неби светит млад да светел месяц,
У его в теремах да млад светел месяц;
А й как на неби пекут да звезды частыи,
А его в теремах пекут да звезды частыи,
А й как всем изукрасил Садке свои палаты белокаменны¹².

⁸ А. Ф. Гильфердинг. Цит. изд., т. 3, М.—Л., 1940, № 270.

⁹ А. Ф. Гильфердинг. Цит. изд., т. 1, М.—Л., 1949, № 59.

¹⁰ И. Гуляев. Былины и исторические песни из Южной Сибири. Новосибирск, 1939, № 27.

¹¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым, Цит. изд., № 1.

¹² А. Ф. Гильфердинг, т. 1, 1949, № 70.

Природные образы вселенной опоэтизированы в сравнениях при описании внешности богатыря и его душевного состояния: «Алеша стал как светел месяц», или о молодости и красоте женского образа: «Белота была взята от снегу белого, красота была взята от солнца красного, оценки горят, будто звездочки, волосы у нее были белорусыи»¹³, «Во лбе-то у ней светел месяц, на голове волосы — звезды частые»¹⁴.

Каждый поэтический образ так или иначе связан с идеализацией героя, с созданием особой атмосферы идеального эпического мира. Но художественная его функция большею частью многогранна, соединяет в себе **объективную описательность и психологизацию момента, действия, состояния героя и его окружения.** Этот закономерный процесс можно проследить на излюбленном былиной художественном ряде: *огонь, гореть, искры, пламя, жар.* Образы эти встречаются повсеместно, в различных сюжетах.

Огонь как разрушение и гибель; огонь, разящий врага или угрожающий богатырю, Родине:

Мы твой славный Киевград во полон возьмем
И в полон возьмем и весь *огнем сожжем*¹⁵.

Хотят *жгать-палить* добра молодца.

Хоцет божьи-ти церкви в *огонь спустить*¹⁶

Тут змениицо Горынищо проклятое,
Она стала на Добрыню *искры сыпати*,
Она стала *жгать* да тела белаго¹⁷.

Да люта нонь змея да така страшна:

Да хочу ле тебя *искрами засыплю*,

Да хочу ли тебя ноньче *огнем спалю*,

Да хочу ле я ноньче водой стоплю¹⁸.

Не куплись-ка ты во матушке Пучай реки;

Тая река свирепая, свирепая река сердитая;

Из-за первая же струйки как *огнем сечет*,

Из-за другой же струйки *искры сыплются*,

Из-за третьей струйки *дым столбом валит*,

Дым столбом валит да сам *со пламенью*¹⁹.

«Огонь-жар» в конкретном суженном значении бытовизирует художественную образность былины: «Хотел он тут *огня добыть*, огня добыть,

¹³ А. М. Астахова. Былины Севера, т. 2, М.—Л., 1951, № 128.

¹⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Цит. изд., т. 1, № 75.

¹⁵ А. Ф. Гильфердинг. Цит. изд., т. 2, № 170.

¹⁶ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. 3. СПб, 1910, № 98.

¹⁷ А. Ф. Гильфердинг. Цит. изд., т. 2, № 79.

¹⁸ А. М. Астахова. Цит. изд., т. 1, № 23.

¹⁹ А. Ф. Гильфердинг, т. 1, № 5.

право, котла сварить»²⁰; «Домики стоят да будто жар горят»²¹; «Что й нападут жары-маревы как бы те большелетные»²²; Враг угрожает все церкви «на дым спустить»²³, а «святы иконы менные хотят на огни разлить»²⁴.

С помощью сравнений, в основе которых лежит образ огня-жара, передается эстетическое восприятие красоты, любование яркой внешностью человека, окружающих его предметов, а также создается представление о незаурядном облике богатыря, о его удали, отваге:

Хоробра была поездка да молодецкая

Хороша была побегка лошадиная,

Во чистом то поле видно курива стоит

У коня из ушей да дым столбом валит,

Да из глаз у коня искры сыплются,

Из ноздрей у коня пламе мечетсе²⁵.

Да и справа молодецкая, как жар горит,

А и справа та молодецкая ну как жар горит²⁶.

В переносном значении этот образ создает впечатление о горячем деле, о подъеме физических и нравственных сил, о душевном настрое богатыря. **Объективное описание дополняется оценкой и передачей чувств героя.**

Богатырское сердце разговорчиво и неумчиво:

Пуце огня-огничка сердце разгорается²⁷.

Сходный поэтический образ встречается во всех районах бытования эпоса:

Камень от огня разгорается,

А булат от жару расстилается,

Материно сердце распущается²⁸.

Тут не лютое зелье разгорелось,

Богатырское то ведь сердце растревожилось²⁹.

А загорело у казака ретиво сердце

Закипело во старом да кровь горячая³⁰.

²⁰ А. М. Астахова, З. Г. Бородинна-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская. Былины Печоры и Зимнего берега. М.—Л., 1961, № 15.

²¹ А. Ф. Гильфердинг, т. 2, № 115.

²² Былины Печоры и Зимнего берега. Цит. изд., № 68.

²³ А. Ф. Гильфердинг, т. 2, № 75.

²⁴ Былины Печоры и Зимнего берега. Цит. изд., № 15.

²⁵ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб, 1904, № 1.

²⁶ А. М. Листопадов. Песни донских казаков, т. 1, М., 1949, № 8.

²⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., М., 1860—1864, вып. 3, стр. 72.

²⁸ Древние российские стихотворения, собр. Киршей Даниловым. Цит. изд., № 19.

²⁹ А. Ф. Гильфердинг, т. № 19.

³⁰ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. 1, М., 1904, № 10.

Идеализация героя вовлекает в былинку самые яркие красочные эпитеты. Очень широк диапазон употребления эпитета «золотой»: от конкретно-предметного, материализованного до отвлеченно-эмоционального. При описании красоты и качества построек: *терема златоверхие, златоверховаты, златоверчатые*; у терема — *златой верх, крышечки золоченые, крыльцо золоченое, у столба кольцо золоченое, пробои у дверей по булату злоченые, сенечки красного золота, крюки позолочены, двери вызолочены*; у церквей *маковки золоченые, золотые кресты*; «сарай золотой, от сарая то лучи мечет»; у татарского шатра *золоченый верх*. В описании внутреннего убранства, одежды и быта: «золоченый стол, золот стол, золот стул, чаша красна золота, блюдо однозолотное, чара медная златообразная, злачен перстень, золоты венцы, золот чуден крест, золоты ключи, золота звонка труба, золотые струны, струны позолоченные; нос, корма позолочена; «А я сделаю себе то жребей, на красное-то, на золото»; «тут сидит жена да старо-матерна, немного шелку ведь, вся в золоте»; пуговики золоченые, камка золотная, строчки шитья прошиты золотом и т. п. Калин-Царь подписывает грамоты сухим золотом или «не красками печатал, не печатями, он печатал, собака, красным золотом» или «заголовье красным золотом». При описании богатырского снаряжения: *золота колчанка каленых стрел, кольчуга красна золота, у лука рога красна золота, стрелочка золоченая, подпруга золоченая, пряжки у седла красна золота, «попона была строчена, первая строка да красным золотом», «убирал он коня в золотой убор». У богатыря «как уж пуговики были вальячные, того ли вальяку красна золота»³¹; «пряжечки да красна золота, они мокнут, да не ржавеют»³²; «как на шубы подтяжка позолочена». В картинах земледельческого крестьянского труда: «Тут-то обрядил свою сошку позолоченую»³³, «А присошничик на омешничках был красна золота»³⁴, «А рогачик-то у сошки красна золота». Для обозначения богатства, богатых даров:*

Что не лучше богатыри во Киеве³⁵

Золота казна-то во Чернигови.

И начали дарить золотой казной:

Подарили один кубчик чиста золота³⁶.

Зазвенят копетца долгометные,

Не утерпеть старому во белом шатру,

Потеряю вашу золоту казну³⁷.

³¹ А. М. Астахова. Былины Севера, т. 1, № 13.

³² А. Ф. Гильфердинг, т. 2, № 75.

³³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Цит. изд., т. 1, № 23.

³⁴ А. Ф. Гильфердинг, т. 1, № 32.

³⁵ Там же, т. 1, № 66.

³⁶ Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, № 8.

³⁷ Былины Печоры и Зимнего берега. Цит. изд., № 127.

Образ *красного золота* в значении богатства встречается повсеместно при описании даней-выходов, которые требует вражеский посол, или выкупа-залога: «А й как перву телегу ордынскую, А й *насыть ко красного золота*»³⁸; «Если б тыкнули копейцо во сыру землю, если б обносили копейца *златом* и серебром и тут не отдал бы на выкуп Соловья»³⁹. Встречается и углубление поэтического значения этого образа в нравственно-этических сопоставлениях:

Я и тех-то послал, чтобы женилися,
А они, молодцы, не догадалися,
Обзарились на злато и серебро.
В нашу державу святорусскую
Пойдут семена — плод богатырский:
*То лучше злата и серебра*⁴⁰.

Женская красота, детали портрета находят эстетическое выражение через переосмысление этого же образа: «*личико унизано красным золотом*», «*походка была-то лани злоторогия*», «а *головушка* у ней *увивана красным золотом*», у Чурилы — «*волбсанки — золота дуга*». Как выражение качества превосходной красоты эпитет золотой употребляется и при описании окружающей богатыря природы: «Да у дуба корешки булатные, да у дубика листушки бумажные, а *желудики* у дуба *позлоченные*, а и маковка с верхушкою жемчужная»⁴¹. Приведенные выше примеры показывают как от конкретно-вещественного значения художественный образ раздвинул свои границы до выражения эмоциональной оценки физических и эстетических качеств героя и предмета.

Через внешние проявления в бытине описываются чувства и переживания богатырей. Хотя эпос рисует своих героев исключительно цельными натурами, которым не свойственны ни рефлексия, ни сомнения, ни раздумывание над поступками, ни душевная раздвоенность, — эпический способ изображения допускает **однократное описание душевных переживаний**, связанных с подвигами богатырей. О состоянии богатыря, о его реакции на события узнаем, большей частью, лишь по действиям или по прямым высказываниям героя, в которых однако отсутствует развернутая психологическая оценка. Она выясняется при соотнесении с поступками и действиями, касающимися богатыря. Илья Муромец уходит с княжеского пира, а потом, в ответ на усиленное потчевание со стороны князя Владимира, говорит: «На приезде ты гостя не уподчивал, на исходе ты гостя не учествуешь»⁴². Психологический парал-

³⁸ А. Ф. Гильфердинг, т. 1, № 69.

³⁹ Песни; собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1, № 61.

⁴⁰ Там же, т. 2, № 196.

⁴¹ А. Листопадов. Цит. изд., № 56.

⁴² С. И. Гуляев. Цит. изд., № 15.

лелизм усиливает впечатление о внутренних переживаниях героя, которые выявлены лишь **во внешних действиях**:

Как ведь с утра солнышко не опекло,
Под вечер солнышко не огрее.
На приезде молодца ты не учествовал,
А топерь на поезде не учествовать.
А будь ко свинья да ты бесшерстная ⁴³.

Характеристика внутреннего состояния героя столь же кратка и тогда, когда в былинах даются **психологические детали, перенесенные с субъекта на объект**: «Да и Ильи-то шуба не в честь пришла, да не в честь пришла, не в хвалу дошла».

В соответствии с общим законом поэтической идеализации описан и внутренний мир героя. Внешние проявления решимости или неуверенности, радости или гнева, раздумья или поспешности выражаются **в устоявшихся, заданных формулах**.

Варьирования незначительны: «в великой досаде Илья Муромец»; «старый казак челом не бьет, головы не гнет»; «и сидит князь Владимир призадумавши, призадумавши, пригорюнивши»; «тут старому на беду стало за великую досаду показалося»; «окатило у Васьки ретиво сердце и взвеселило у Васьки буйну голову»; «Уж ты что же ты идешь не по-старому? Не по-старому идешь не попржему?»; «Повеся ты держишь да буйну голову, потопа ты держишь да очи ясные»; «А на кони сидит Добрыня — приужахнется»; «К делу он идет, не ужахнется»; «Уж тут млад станишники ужахнулись» и т. п.

При всей стандартности этих выражений эпическая традиция вносит в них и **субъективные элементы**, благодаря чему привычная формула расширяет свое содержание, дополняется психологическими деталями:

Честная вдова, Блудова жена
Пошла с пиру не весела,
И не весела пошла — не радостна,
Зажала ручки вокруг сердечушка,
Стянула головушку промеж плечи ⁴⁴.
Тут то Владимир закручинилса,
Стольнекиевский наш тут-то да запечалилса,
Повеся буйну голову со могучих плеч,
Потопа очи ясные да в мать сыру землю,
Под себя руки белы к ретиву сердцу ⁴⁵.

⁴³ А. Ф. Гильфердинг, т. 3, № 230.

⁴⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 2, № 198.

⁴⁵ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни. Цит. изд., т. 3, № 111.

Описание внутреннего состояния героя усиливается морализирующими элементами:

Тут Алешенька не весел стал,
Говорил опять да таковы слова:
— Хоть ты туляешься-виляешься,
Но за инаго в замуж не достанешься:
Будешь за мной во замужестве ⁴⁶.

Усиление психологических элементов сопровождается интонациями и образами **песенного жанра**: «Де как у старого-то старенького зазнобушка была на сердце, де как стовал он поутру ранехонько» ⁴⁷ (поднимать всех богатырей на бой с врагом). В подобных случаях привносятся мотивы и образы **народных причитаний**:

— На что меня, несчастного молодца спородила,
Гребешком мою головку загладила,
Копылком бородку наладила,
Спустила доброго молодца во далече-далече
Во чисто поле ⁴⁸.

Народные причитания передали былине и свои устоявшиеся традиционные формулы, типа: «Уж как ты меня бесчастного спородила, зародила ты меня несчастного, зародила ты на свет да неталанного»; «Лучше бы ты спородила Добрынюшку белым горячим камешком»; «Спородила бы, государыня, родна матушка, ты бы беленьким горячим меня камешком, завернула в тонкой, в льняной во рукавчик, спустила бы меня во сине море». Моральная оценка заостряет психологическую характеристику и часто выражена **народной пословицей**, которая вовлекается в былинный стих: «Тут стоит Настасья Митреевична закручинилась и запечалилась: от бережка она откачулася, а к другому не прикачнулася» ⁴⁹, «Солнышко Владимир прираздумался: Кто от беды откупается, а Владимир сам на беду накупается» ⁵⁰.

Лиризация былины допускается лишь в отдельных сюжетных ситуациях, при этом самовыражение чувств героя необычно — для эпического стиля — обнажается, и былина уступает место песенному лирическому отношению к действительности.

Запись от Т. Г. Рябинина:

А й садился то Микита на черленой стул,
И он повесил свою буйную головушку
Да пониже плеч своих могучих,

⁴⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 2, № 129.

⁴⁷ А. М. Астахова. Цит. изд., т. 1, № 44.

⁴⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 2, № 129.

⁴⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1, № 10.

⁵⁰ Там же, т. 1, № 53.

Ясны очушки втопил во кирпичный мост,
Говорил то тут Микита таковы слова:
Ай же молодость моя молодая!
Улетела от меня да й во чисто поле,
Во чисто поле да ясным соколом!
Ай ты старость ты моя да и глубокая!
Налетала ты да из чиста поля,
Из чиста поля да черным вороном,
Да й садилася ко мне на плечка на могучин⁵¹!

Запись от Кузьмы Романова передает эти же песенные образы с некоторым сокращением⁵².

Субъективные элементы подчиняются общей динамике художественного повествования былины, поэтому в большинстве случаев психологические характеристики односложные: «сгоряча он бросился во быстру реку» (о Дунае); «И говорит тут ей Иван да не с удобою» (не робея)⁵³, «Пусть ты киевскими бабами уплаканый (о Чуриле); «На наш город приехал, красуется» (о Дюке). Движение чувств ограничивается обозначением действия, перечислением внешних примет: «Во белом лицы краска переменилась, как змея да расшипелась». Через динамику действий героев характеризуются их переживания:

Испугалась Маринка, сделалась бешена,
Схватила свою Чавину Чусавицу,
Схватила за праву руку.
Выводила скоро на улицу,
Фатенко да низко кланялась:
— Получай невесту, живи как хочется⁵⁴.

Психологизация былинного повествования не меняет общего представления об эпосе, в котором мотивирование поступков героя подразумевается как само собой разумеющееся всеобщее решение, а интерес направлен к самим действиям и их результатам. Субъективные элементы подчиняются внутренней динамике повествования, содействуя идеализации богатырей и их героических подвигов.

Март, 1969

Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса

⁵¹ А. Ф. Гильфердинг, т. 2, № 88.

⁵² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1, № 45.

⁵³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1, № 8.

⁵⁴ Былины Печоры и Зимнего берега. Цит. изд., № 5.

APIE BYLINŲ STILIŲ

N. K. MITROPOLSKAJA

Re z i u m ė

Straipsnyje atskleidžiami kai kurie bylinų poetinio stiliaus bruožai. Epinės herojikos poetinės išraiškos objektyvumas pasireiškia įvykių, teiginių, charakteristikų atrinkimu. Bylinos meniniame paveiksle susijungia objektyvus veiksmo, herojaus padėties ir jį supančios aplinkos aprašymas su psychologizmo elementais. Dominuojant epinės išraiškos būdai, bylinoje sutinkamas ir nesudėtingas dvasinių pergyvenimų aprašymas. Subjektyvūs elementai pavaldūs bendrai meninio pasakojimo dinamikai ir visapusiškam idealaus epinio pasaulio paveikslui.

ON POETIC STYLE OF BYLINAS

N. K. MITROPOLSKAYA

S u m m a r y

The article presents some observations on the poetic style of bylinas. The objectivity of the poetic expression of epic heroics is revealed by the selection of events, situations and characteristics. The bylina image unites in itself objective situation and psychologization of the moment, action, emotional state of the hero and his environment. The epic method of portrayal, predominating in the bylina, assumes synonymous description of feelings, the subjective elements being subordinated to general dynamics of artistic narration and the idea of creating an integral picture of the ideal epic world.